

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

КУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

В статье анализируется совокупность факторов, которые формируют культуру постиндустриального общества и специфические черты этой культуры, проявившиеся к настоящему времени, а также основные тенденции её развития, о которых уже можно говорить как о наблюдаемом процессе.

Ключевые слова: индустриальное и постиндустриальное общество, культура и её социальная обусловленность, тенденции социокультурного развития.

Keywords: industrial and postindustrial society, culture and its social conditioning, tendencies of socio-cultural development.

Для того чтобы системно проанализировать особенности культуры обществ постиндустриального типа, следует выяснить, что представляет из себя структура современного высокоразвитого общества. Нужно отметить, что если в порядках организации жизни и деятельности постиндустриального общества уже намечаются определённые отличия от предшествующего этапа развития, то символические формы культуры нового общества ещё не очень разнятся с культурной символикой индустриальной стадии на её позднем этапе середины XX века. Поэтому черты новизны придётся искать в глубинных проявлениях и тенденциях новой культуры [7].

Если для социальной ситуации конца XIX – первых двух третей XX века было характерно бурное развитие новых технологий производства, энергетики (включая атомную), освоение космического пространства, совершенствование средств транспорта, связи и т. п., то в последней трети XX столетия, как представляется, наступил определённый кризис в области управления этим непрерывно усложняющимся хозяйственным механизмом, как, впрочем, и растущим демографическим и политическим составом человечества. Целый ряд проблем создала мировая экономическая глобализация, а также сопутствующая ей глобализация информационного пространства, мультикультуральная направленность национальной политики европейских стран и др. [31; 32]. Всё это потребовало введения принципиально новых методов и технологий управления, что на начальном уровне сводится к радикальному усовершенствованию способов обработки информации, поступающей от управляемых к управленцам и обратно, и скорости прохождения этой информации. Иначе говоря, в первую очередь потребовалась своеобразная «революция» в технологиях управления [27]. Если индустриальная стадия развития форм деятельности характеризовалась переходом на интенсивные технологии производства при сохранении прежних экстенсивных технологий управления, то постиндустриальная эпоха началась именно с трансформации технологий управления деятельностью посредством перехода на интенсивную модель её осуществления [18]. Результатом активизации в этой сфере стало бурное развитие средств связи, как стационарных, так и мобильных (постоянно находящихся при человеке), и систем обработки хранения информации, то есть компьютеризация [12; 29].

Радикальным событием этой «информационной революции» XX века стало развитие системы ЭВМ, что привело к изобретению компьютера и сети Интернет. Теперь любой владелец компьютера (при наличии необходимого программного обеспечения) может за несколько минут получить

доступ к любой интересующей его информации, имеющейся в открытом доступе, стать читателем любой книги, зрителем любого видеоряда и т. п. Следует заметить, что к числу достоинств компьютера, помимо чисто информационных, следует отнести и то, что с его помощью можно решать на автоматическом уровне и множество сравнительно типовых управленческих задач. Это свойство будет развиваться как особенно важное в управленческой деятельности. Компьютер существенно усовершенствовал системы связи (электронная почта), массовой информации (новостные программы Интернета), социальной самоорганизации людей (социальные сети), потребление искусства и литературы, научной информации и т. п., хотя и создал определённые проблемы с качеством специализированной информации, доступной массе пользователей [11].

Но «информационная революция» — это лишь техническая сторона тех социокультурных процессов, которые происходят в постиндустриальном обществе. Следует помнить, что общество этого типа находится лишь на начальной стадии своего становления и многие его параметры ещё не проявили себя в полную силу, а о некоторых можно говорить лишь как о тенденциях, которые могут и не развиваться. Доминирующая ныне информационная ориентация культуры, скорее всего, лишь тенденция начального этапа развития [9].

Поскольку многие характеристики наступающей постиндустриальной эпохи пока не поддаются уверенному прогнозированию, то я остановлюсь лишь на том, что с позиций сегодняшнего дня уже более или менее очевидно.

Заметно существенное усиление специализации деятельности [4]. Можно полагать, что сегодня население Земли принадлежит уже к нескольким десяткам тысяч различных специальностей и сотням тысяч специализаций, причём число последних непрерывно растёт, что требует вовлечения огромного количества людей в систему почти непрерывного профессионального переобучения (или повышения квалификации).

В мире всегда можно было насчитать какое-то количество людей, являющихся уникальными специалистами мирового класса. За последние десятилетия число их быстро выросло. Эти люди обычно не имеют постоянного места жительства, часто переезжают из страны в страну (где есть спрос и условия для их деятельности). Как правило, они не испытывают и выраженных национальных чувств, считая себя «гражданами мира». По культурным предпочтениям они, скорее, западноевропейцы и американцы (хотя могут быть китайцами или японцами по рождению). Их материальный достаток выше среднего; объёмы потребляемой ими энергии (как в профессиональной деятельности, так и в личном быту) значительно превышают средний показатель, характерный

для населения стран обитания. Страны (или компании), приглашающие их на работу, стремятся обеспечить им комфортное существование. Эти люди в основном крупные учёные, врачи, деятели искусства, инженеры-конструкторы, бизнесмены, менеджеры и т. п., вплоть до военных специалистов. Пока ещё трудно говорить о том, что именно они составляют элиту общепланетарного масштаба, но, судя по всему, дело идёт именно к этому [23; 24].

Для постиндустриальной эпохи характерен процесс усиления разделения деятельности на высокотехнологичную (high-tec), требующую специальной подготовки, и низкотехнологичную, для которой не нужно специальное образование. Характерно, что процесс такого рода дифференциации затронул даже сферы бытового обслуживания и мелкорозничной торговли — традиционные области деятельности «среднего класса». Иными словами, намечается перспектива «размывания» этого класса — основы социальной устойчивости обществ индустриального типа, а соответственно и перемен в социальной структуре развитых обществ в целом и появления «подсобного пролетариата», в основном комплектуемого эмигрантами и организованного в мелкие группы неквалифицированных рабочих [21]. Этот «подсобный пролетариат», видимо, будет отличаться сравнительно низким уровнем общего образования, соответствующего содержательным параметрам массовой культуры, и его социальная конкурентоспособность будет откровенно низка [2; 7]. Вместе с тем власти будут стремиться поддерживать уровень жизни этого «подсобного пролетариата» на более или менее достойном уровне, чтобы не допустить социального взрыва. Вообще, во внутренней политике будут доминировать технологии «мягкого взаимодействия» и «социального компромисса» [3].

Новая социальная конфигурация общества, естественно, не будет ограничена только элитой «специалистов международного класса» и «подсобным пролетариатом»; оно будет гораздо многообразней по своему составу и по своей социальной дифференцированности, видимо, заметно превысит уровень, наблюдаемый ныне. Но предполагается, что именно две описанные социальные группы составят и структурный костяк, и абсолютное демографическое большинство в новом сообществе. Соответственно дифференцируется и культура (образовательная, художественная, социальная и т. п.), образовав цепочку переходных стадий от культуры, выражено элитарной, ориентированной на классические образцы и дающей очень качественное и высокоспециализированное образование, к культуре, которую во всех её проявлениях можно будет считать массовой и которая по своим формам во многом будет напоминать то, что сегодня называется «молодёжной субкультурой».

Теоретики наступающей постиндустриальной эпохи делают акцент на том, что основным продуктом производства отныне становится знание, и именно интенсификация познания окружающего мира и применение этих знаний на практике должны определить основные параметры новой стадии развития [28]. Теории «экономики знания» в последние десятилетия получили большое распространение и пользуются авторитетом [15; 17; 19; 22; 33].

В этих условиях существенные перемены ожидаются в системе массового общего образования, которое станет ускоренным, скорее всего, преимущественно дистантным и построенным не столько на личном авторитете и жизненном опыте учителя, сколько на стандартизированных компьютерных программах. Вместе с тем в элитарном образовании, готовящем профессиональную элиту во всех областях деятельности, традиционные формы, по-видимому, сохранятся и даже интенсифицируются. Разумеется, между этими двумя крайностями окажется и множество промежуточных вариантов, которые, впрочем, не будут играть заметной роли в культурном состоянии общества в целом [1; 21].

Таким образом, человечество (или, по крайней мере, высокоразвитые сообщества) ожидает социальная и культурная поляризация на элитную часть населения — «золотой миллиард» [10; 16], чья социальная конкурентоспособность будет зависеть в основном от природных индивидуальных способностей и психического развития конкретного человека, поддерживаемых качественным образованием, и прочих людей, не имеющих (или почти не имеющих) никаких специальных профессиональных навыков, чья социальная конкурентоспособность будет зависеть преимущественно от объективных параметров состояния здоровья. Потребность в высококвалифицированных рабочих и других специалистах с образованием ниже высшего, по всей видимости, будет компенсироваться активной автоматизацией (роботизацией) производственных процессов. Основной сферой применения труда неквалифицированных работников станут торговля и бытовое обслуживание.

Это вовсе не означает, что подобное состояние дел непременно приведёт к социальному взрыву. За XX век правящие слои западного мира многому научились на опыте русской и китайской революций, истории коммунизма и нацизма в Европе и проч. Они уже в достаточной степени владеют технологиями «мягкого взаимодействия», «социального компромисса» и т. п., но главное, хорошо усвоили урок, гласящий, что голодного дешевле накормить, а недовольного удовлетворить, нежели доводить дело до социального конфликта и захвата политической власти толпой голодных (или раздражённых) маргиналов.

Что касается проблем глобализации, то необходимо

различать экономическую, информационную и культурную глобализацию. Тенденции экономической глобализации возникли, как минимум, ещё в XIX веке (например, англо-французская концессия на строительство Суэцкого канала). В принципе, такого рода техническое сотрудничество всегда являлось нормой в экономической политике различных стран. Так или иначе, но после Второй мировой войны процесс создания международных экономических объединений (разного ранга) стал общепринятой нормой. Сегодня в мире трудно найти крупную фирму, не международную по своей структуре. Причём речь идёт не только о том, что различные составляющие конечного продукта производятся в разных странах мира. Но и на большинстве предприятий бок о бок трудятся сотни специалистов (разного ранга) различной национальности, расовой принадлежности, вероисповедания. Следует сказать, что американский принцип политкорректности на самом деле оказался весьма эффективным, по крайней мере, для поддержания национальной толерантности в производственных коллективах.

Информационная глобализация — это отдельный случай. Развитие и распространение современных средств связи делает почти невозможным функционирование обычного ещё несколько десятилетий назад «информационно закрытого» общества. В рамках современной системы телекоммуникаций решение этой задачи стало ещё более трудным и требует персонального наблюдения за каждым домом в стране. Сегодня абсолютное большинство населения мира имеет возможность слушать любые радиостанции, смотреть любые радиопередачи, не говоря уже о преимуществах телефонной и иной электронной коммуникации, предоставляющей возможность персональной связи с любым абонентом. Так или иначе, понятно, что проблема информирования людей о том, что происходит в их стране, сегодня не представляет сложности. Речь идёт о психологически обоснованной дозировке этой информации [6].

Наконец, проблема культурной глобализации [13]. Мне представляется, что она вообще надумана: единообразная глобальная культура охватывает только сферу массового потребления и розничной торговли и никак не отражается на развитии национальных культур и их креативных функциях.

Гораздо существенней проблемы мультикультурализма. Пока они касаются в большей мере молодёжной субкультуры, которая на глазах теряет выраженные национальные признаки и превращается в интегрированную субкультуру молодёжи всего мира. В определённом смысле эти процессы являются развитием политики «политкорректности», доминирующей в США в течение последних двух-трёх десятилетий. «Политкорректность» возымела и ещё одно серьёзное последствие. Многие традиционные признаки самоидентификации людей

превратились из социально значимых в сугубо частные. Вместе с тем остаётся нерешённой и всё более подвергаемой критике проблема превышения мигрантами из Азии и Африки пределов допустимой культурной экспансии в городах Европы [25].

Это изменение композиции элементов личной самоидентификации индивида на самом деле играет большую роль в его социальном ощущении себя полноценным членом общества. Многие из того, что ущемляло его самоуважение ещё несколько десятилетий назад, ныне перестало быть социально актуальным и предметом общественного внимания. Особенно это касается национальной и религиозной принадлежности человека. Во все века это было основанием для каких-то ограничений. Сейчас это ушло в прошлое.

Следует сказать, что идеология мультикультурализма не только даёт право человеку в любой точке Земли свободно демонстрировать свою принадлежность к «не местной» культуре и приверженность её обычаям, что нередко порождает и определённые социальные напряжения [5], но и в каком-то смысле «заставляет» его сохранять такого рода приверженность. Она препятствует его культурной ассимиляции в стране проживания, что было нормальной практикой в предшествующие эпохи. Каковы будут возможные последствия такого жёсткого «пристёгивания» каждого человека к его коренной культуре, сейчас предсказать сложно. Есть множество факторов, работающих как за, так и против распространения этой тенденции [20].

Во второй половине XIX века на волне радикальной урбанизации, прокатившейся по странам Западной Европы и Северной Америки, в крупные города переселились сотни тысяч человек. Эта тенденция возматывалась на протяжении всего XX века и охватила уже десятки миллионов человек. В качестве системы регуляции социального поведения этой толпы мигрантов на новых местах поселения (сначала стихийной саморегуляции, а потом уже более целенаправленной регуляции со стороны власти) родилась массовая культура. Ставшая современным вариантом повседневной культуры для нового городского населения западного мира и заменившая в этой функции традиционную крестьянскую культуру, она представляет собой, с одной стороны, синтез множества культурных явлений со всего мира, но, с другой стороны, впитывает в себя по преимуществу наиболее простые и понятные для малообразованного потребителя культурные черты. Однако массовая культура принципиально отличается от традиционной культуры тем, что не порождает никаких устойчивых обычаев. Она, по сути своей, сугубо ситуативна и не производит никаких новых культурных смыслов и содержаний, а только регулирует потребление, его вкусы, предпочтения, стимулирует потребительский

ажитаж; является основной культурой потребительского общества, обслуживая именно процессы материального и символического потребления. Она в равной мере выражается и в формах популярной музыки и кино, и в продукции закусочных «фастфуд», и в молодежной моде на одежду, причёски и прочие имиджевые феномены, и в деятельности современных средств массовой информации (медиакультура) [14; 30].

Массовая культура превратилась за последние десятилетия в основную обыденную культуру горожан, независимо от их социального происхождения и культурных предпочтений, отодвинув приверженность людей к формам и смыслам специализированной культуры в область их профессиональной деятельности (интеллигентность как профессиональный навык, а не социальное свойство личности). Но массовая культура как культура развлечения и заполнения досуга не может заменить национальную культуру в её креативном значении. Поэтому говорить о закате креативной националь-

ной культуры, на мой взгляд, преждевременно; её отход на второй план в общей культурной композиции современного мира представляется временным явлением.

Судя по всему, этот новый вариант креативной культуры постиндустриального общества ещё не родился или пребывает в формах, пока не понятных даже для образованного меньшинства. Постмодернистская философия показала себя очень ярким образцом культуры нового типа, но она быстро исчерпалась со смертью первого же поколения своих корифеев [8; 26].

Возможно, мы привычно ищем проявления этой новой культуры прежде всего в искусстве, а она родилась совсем в иной области социальной практики и «взрослеет» там незаметно для внешних наблюдателей. Все культуры рождались отнюдь не из искусства, а из освоения собственного социального опыта. А ведь постиндустриальной культуре всего лишь около сорока лет...

Список использованных источников

1. Антонович, И. И. Социодинамика идеологий / И. И. Антонович. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 373 с.
2. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. — Москва: Весь мир, 2004. — 188 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — Москва: Логос, 2002. — 390 с.
4. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технологическая волна на Западе. — Москва, 1986. — С. 330–342.
5. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. — Москва: Логос, 2003. — 350 с.
6. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — Москва: Весь мир, 2004. — 120 с.
7. Дракер, П. Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 67–100.
8. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. — Москва: Интрада, 1998. — 255 с.
9. Ингледарт, Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Ингледарт // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 245–260.
10. Кара-Мурза, С. Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза // Библиотека думающего о России. — Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/skara_milliard.html (Дата обращения 12.02.2008).
11. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Москва: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
13. Костина, А. В. Культура в условиях глобализации: основные тенденции развития / А. В. Костина // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. — Москва, 2009. — С. 5–22.
14. Костина, А. В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе / А. В. Костина. — Москва: УРСС, 2009. — 216 с.
15. Косьмин, А. Д. Интеллектуальный потенциал общества: формирование, оценка, эффективность использования / А. Д. Косьмин, Е. А. Космина. — Москва: Экономика, 2004. — 320 с.
16. Медоуз, Д. Х. За «пределами роста»: учеб. пособие / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рандерс. — Москва: Прогресс, Пангея, 1994. — 304 с.
17. Мильнер, Б. З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации / Б. З. Мильнер. — Москва: Инфра-М, 2003. — 177 с.
18. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — Москва: Прогресс, 1989. — 376 с.
19. Осипов, Г. В. Экономика и социология знания / Г. В. Осипов. — Москва: Наука, 2009. — 245 с.
20. Павлова, Е. Д. Формы культуры информационного общества / Е. Д. Павлова // Обсерватория культуры. — 2008. — № 5. — С. 11–16.
21. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. — Москва: Прогресс, 1980. — 302 с.
22. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — Москва: АСТ, 2004. — 672 с.
23. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — Москва: АСТ, 2004. — 781 с.
24. Турен, А. Способны ли мы жить вместе? Разные и различные / А. Турен // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 465–491.
25. Флиер, А. Я. Границы мультикультурализма // Флиер А. Я. Культурология 20 — 11. — Москва, 2011. — С. 527–539.
26. Флиер, А. Я. Науки о культуре после постмодернизма // Флиер А. Я. Культурология 20 — 11. — Москва, 2011. — С. 13–25.
27. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. — Москва: АСТ, 2004. — 352 с.
28. Хэнди, Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире / Ч. Хэнди // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 163–184.

